

СЕЛИЩЕ

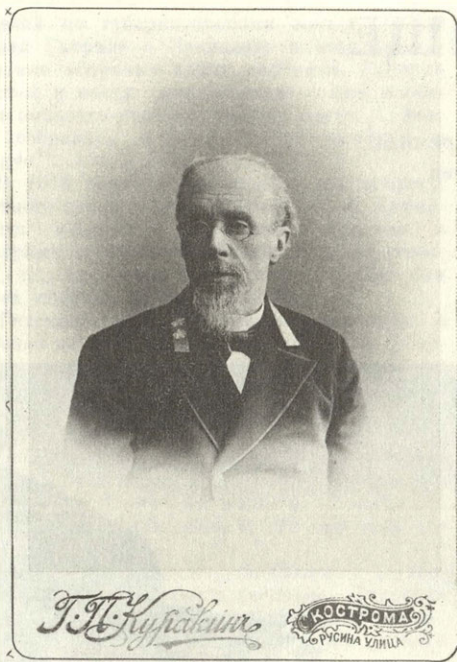
Н. Я. Купрянов,
художник

На правом берегу Волги, напротив Костромы, в селе Селище, ныне входящем в черту города, стоит небольшой деревянный дом бывшей дворянской усадьбы. Во внешнем облике и в планировке он сохранил черты усадебной архитектуры русского классицизма конца XVIII — начала XIX в. Когда-то таких домов было много по всем уездам Центральной России, теперь их почти не осталось. Селище не относится к прославленным дворянским усадьбам, хотя название это и не совсем неизвестно. С ним связана память о созданных здесь сериях работ художника Н. Н. Купрянова, моего деда, да еще несколько литературоведов знают, что Селище принадлежало родне знаменитого критика и публициста Н. К. Михайловского. Но мало кто слышал об истории усадьбы и ее владельцах. Между тем история эта заслуживает внимания: на протяжении нескольких столетий ничем не выделявшаяся из общей массы помещичьих гнезд, во второй половине XIX века селищенская усадьба стала одним из очагов культуры в российской провинции. И так просуществовала до конца 1920-х годов...

Село Селище известно с XV века. С этим местом связано немало исторических воспоминаний. В Смутное время, в июне 1609 года, здесь стоял лагерь отряд пана Лисовского,

Селище.
Церковь
Александра и
Антониды.
Справа церковь
Василия
Блаженного
(усыпальница
Мягковых).
Фото 1929 г.

Г. В. Мягков.
Фото 1900-х гг.

Е. К. Мягкова.
Фото середины
1910-х гг.
Селище.

пришедший из Юрьевца на помощь укрывшимся в Ипатьевском монастыре тушинцам во главе с воеводой Вельяминовым¹. 13 марта 1613 года сюда, в Селище, прибыли послы из Москвы, чтобы пригласить на престол избранного царем юного Михаила Федоровича Романова, и получив позволение предстать перед ним, на другой день отправились крестным ходом с чудотворными иконами, привезенными из Москвы, в Ипатьевскую обитель².

За свою историю село сменило множество владельцев, среди которых были кн. Глинские, кн. Морткины, Супоневы, Карамышевы, Чаплины, Озеровы, Поливановы, Каблукovy и многие другие. В числе владельцев Селища был и боярин Глеб Иванович Морозов, женатый на знаменитой сподвижнице протопопа Аввакума Федосье Прокопьевне Морозовой.

По документам последней четверти XVIII века, в Селище было 68 крестьянских дворов, в которых проживали 178 мужчин и 182 женщины; 2 деревянные церкви, «первая во имя святых мучеников Александра и Антонида, другая теплая, во имя великомученика Георгия с приделом во имя пророка Ильи и блаженного Василия» и 4 господских дома³. Один из них вместе с частью Селища получил в приданое за женой надворный советник Николай Леонтьевич Мягков, происходивший из старинного новгородского рода. От него усадьба перешла к сыну — Василию Николаевичу, участнику Отечественной войны 1812 года. В. Н. Мягков служил в лейб-гвардии Уланском полку, за свои ратные подвиги был награжден многими орденами и золотой саблей с надписью «За храбрость». Дважды был ранен: в Бородинской битве и в сражении при Кульме. В 1816 году В. Н. Мягков был уволен от службы «за ранами полковником, с мундиром»⁴. В 1830-х годах он жил в Селище, служил председателем Костромской палаты гражданского суда, занимался благоустройством усадьбы и растил многочисленных

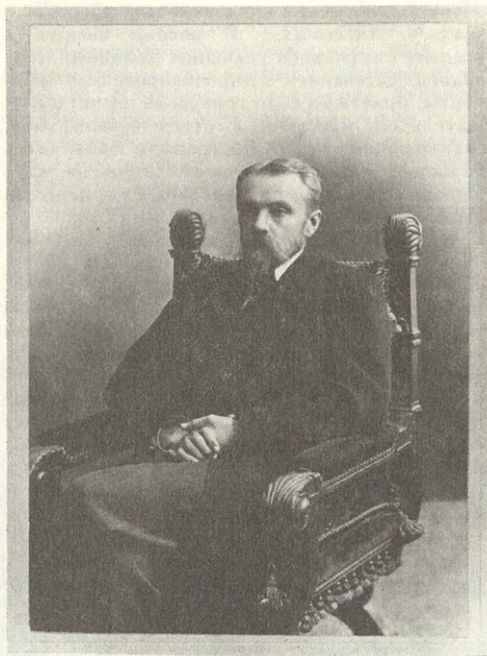

детей. Умер Василий Николаевич в 1853 году в возрасте 67 лет и был погребен в своей усадьбе под церковью Василия Блаженного, им построенной.

Селище наследовал один из его сыновей — Геннадий Васильевич. Большую часть жизни он прослужил в Костроме, в 80-х годах XIX века был старшим советником губернского правления, позднее занимал должность неперменного члена губернского присутствия, вплоть до своей кончины в 1903 году. Г. В. Мягков был человеком разносторонне одаренным, артистичным. Внук Геннадия Васильевича, художник Н. Н. Купрянов, писал о нем: «Он был музыкант, писал стихи, занимался скульптурой и главным образом рисовал. У него были резко выраженные склонности графика и карикатуриста. В громадном множестве сделанных им рисунков он изобразил быт и нравы губернского общества. Он рисовал губернаторов, возжигающих лампы перед вицмундиром, повешенным на место иконы; чиновников особых поручений с физиономиями и жестами; выражающими светскую любезность и служебную преданность; дам почтенных, играющих в карты, и дам прелестных, вальсирующих с офицерами; а также свой собственный домашний быт: свою семью и себя самого, то среди сослуживцев, на докладах и приемах, то в мундире, в орденах и при шпаге, переходящим вброд реку, держа в руках ботинки, то вешающимся на люстре от музыкальных огорчений.

Эти рисунки были вольнодумны⁵ и составили деду дурную славу настолько далеко за пределами губернии, что однажды в Петербурге высокоофициальное лицо, пользуясь возможностями частного знакомства, советовало моей бабушке убедить своего мужа рисовать поменьше»⁶.

К этому рассказу можно добавить, что Геннадий Васильевич участвовал в создании Общества любителей музыкального и драма-

тического искусств, был попечителем селищенского земского училища и членом губернской ученой архивной комиссии. Он занимался изучением родового архива, хранившегося в Селище: купчих, променных записей, отказных и жалованных грамот XVII—XVIII веков. Некоторые материалы были им подготовлены к печати и помещены в сборниках «Костромская старина».

Геннадий Васильевич Мягков был женат на Елизавете Константиновне Михайловской, сестре знаменитого на всю Россию публициста, и эта родственная связь имела большое значение и в жизни хозяев усадьбы, и в биографии самого Н. К. Михайловского. Елизавета Константиновна заменила брату рано умершую мать и на всю жизнь осталась самым близким ему человеком. Николай Константинович родился в 1842 году в уездном городке Мещовске Калужской губернии. Вскоре семья переехала в Кострому, где поселилась близ церкви Иоанна Богослова на Каткиной горе. Михайловский учился в костромской гимназии, но после смерти отца опекуны определили его в Петербургский институт корпуса горных инженеров, который окончить не удалось: сдав экзамен в последний класс, он был вынужден оставить корпус после происшедших беспорядков. Избрав литературное поприще, он с 1865 года начинает сотрудничать в разных периодических изданиях. В 1869 году имя двадцатисемилетнего автора становится известным всей России после опубликования в некрасовских «Отечественных записках» большого социологического исследования «Что такое прогресс?». Михайловский соглашался называть «прогрессом» лишь такое развитие общества, которое служит благу человека, раскрытию его индивидуальности. В дальнейшем труды Н. К. Михайловского во многом определили пути развития общественной мысли в России: он предлагал не «классовые», а этические мерки

в подходе к истории и современности. «Он не создавал себе кумира ни из деревни, ни из мистических особенностей русского народного духа... — вспоминал В. Г. Короленко. — Суровый человек, не признававший никаких классовых кумиров, преклонялся лишь перед живой мыслью, искавшей правды...»⁷ Н. К. Михайловский стремился соединить интересы народа и интересы культуры; его симпатии к людям труда, к людям русской деревни сочетались с признанием самостоятельной и независимой роли интеллигенции в обществе. Уважение к культуре, нечастое в народнической среде, отмечал у Михайловского русский философ Н. А. Бердяев. Этот союз культуры и народолюбия породил особый селищенский мир, просуществовавший около полувека.

В Селище Н. К. Михайловский бывал ежегодно и подолгу жил в семье сестры. Часто приезжали сюда его сыновья Николай и Марк. В усадьбе гостили его друзья и единомышленники — в разное время здесь бывали писатели Г. И. Успенский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Г. Гарин-Михайловский и многие другие. По свидетельству Н. Н. Купрянова, личностью Михайловского определялась атмосфера селищенского дома, сохранявшаяся и после его смерти, «идеи народничества окрашивали собой все, до мелочей быта включительно, вплоть до языка»⁸. Земля была роздана крестьянам, одна из дочерей Г. В. Мягкова Анна Геннадиевна в ранней молодости ходила в народ, работала на холерной эпидемии, устроила в имении больницу для крестьян. С просветительными целями ею был создан театр. В устройстве театра принимал живое участие Н. К. Михайловский и его сыновья, старший из которых, Николай, был актером Московского Художественного театра. Об одном из первых спектаклей, состоявшемся летом 1897 года, говорится в воспоминаниях П. П. Гайдебурова, известного актера и режиссера: «...роль Счастливецова в «Лесе» А. Н. Островского я впервые играл в

Н. К. Михайловский, М. Н. Михайловский, А. Г. Перелешин. Фото 1900-х гг.

А. В. Перелешин. Фото 1909—1910 гг.

очень своеобразном спектакле для крестьян в усадьбе Мягковых... В летние месяцы в усадьбу съезжалась учащаяся молодежь, случалось, затевались импровизированные концерты, приезжие пели городские песни, а слушатели из крестьян в ответ пели свои, селищенские песни. Костромичи отличались большой музыкальностью и легко на слух перенимали новые для них мелодии, перекладывая их на два-три голоса.

Однажды затеялся спектакль, выбрали «Лес». Во дворе усадьбы выстроили сцену, соорудили самодельные декорации и костюмы. Пополнили свой состав любителями из города. У крестьян спектакль имел большой успех. Народ настолько был заинтересован, что выстоял на ногах весь спектакль — сидеть было не на чем⁹. Со временем и крестьяне начали принимать участие в селищенских спектаклях. Репертуар был разнообразный: играли классику (пьесы А. Н. Островского, Н. В. Гоголя), водевили, оперетты и даже оперы — «Аиду» Д. Верди, «Русалку» А. С. Даргомыжского, в постановке которых помогала старшая дочь Г. В. Мягкова Мария Геннадиевна, окончившая Петербургскую консерваторию по классу пения.

Мария Геннадиевна вышла замуж за комиссара по крестьянским делам Нешавского уезда Варшавской губернии, титулярного советника Николая Николаевича Купреянова (впоследствии он был сувалкским губернатором). Служба его проходила в Петербурге и в разных губерниях Царства Польского, и в Селище он появлялся нечасто. К слову сказать, его убеждения не очень-то соответствовали либеральным настроениям обитателей усадьбы: он был консерватором, участвовал в работе организации объединенного дворянства. Дети Н. Н. и М. Г. Купреяновых — Николай, Юрий, Борис и Елизавета — каждое лето проводили в Селище, и эту разность среды в материнской и отцовской семьях позднее отметит в автобиографии художник Н. Н. Купреянов.

Анна Геннадиевна была замужем за Александром Васильевичем Перелешниным. Он родился в 1856 году в семье отставного капитан-лейтенанта В. А. Перелешина, братья которого, М. А. и П. А. Перелешины, были известными моряками, героями Синопского сражения и обороны Севастополя. Следуя семейной традиции, Александр Васильевич окончил Морское училище, служил во флоте и, выйдя в 1889 году в отставку в чине капитана 2-го ранга, обосновался в Селище, где занимался с женой отдельный дом. Его дальнейшая жизнь посвящена земскому делу. Во время земского движения 1904—1906 годов он приобрел популярность как участник земских съездов и был первым выборным членом Государственного совета от Костромского губернского земства. После роспуска I Государственной думы он сложил с себя звание члена Государственного совета¹⁰. В 1907 году А. В. Перелешин был избран членом II Государственной думы, где, как и в Государственном совете, принадлежал к фракции «Народной свободы» (к.-д.).

В качестве земского деятеля А. В. Перелешин оставил заметный след в области народного образования. Заведая в губернской земской управе училищным отделом, он отдавал свои силы и время внешкольному обучению

взрослых и земскому книжному складу «Костромич», откуда книги рассылались во все уголки губернии. А. В. Перелешин был почетным попечителем губернской классической гимназии, председателем Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в Костромской губернии; по его инициативе в ноябре 1907 года было создано Костромское общество образования. После смерти мужа в 1910 году А. Г. Перелешина продолжила просветительскую деятельность: устроила в усадьбе библиотеку имени Н. К. Михайловского, для которой предоставила помещение и свои книги. Как отмечалось в отчете Костромского общества образования, «популярность имени Михайловского определяла готовность жертвователей прийти на помощь новому учреждению»¹¹. В деле организации библиотеки А. Г. Перелешинной оказали помощь В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Куприн, поэтому среди книг, подаренных библиотеке, многие были с автографами известных русских писателей. В начале 1911 года губернатор утвердил устав библиотеки-читальни и в качестве заведующей Е. К. Мягкову, но имя Н. К. Михайловского библиотеке было присвоено не сразу.

Либеральные взгляды хозяев Селища, их забота о просвещении народа подчас рассматривались местной администрацией чуть ли не как революционная деятельность. А. В. Перелешин находился под негласным надзором полиции, А. Г. Перелешина в 1907 году подверглась административной высылке¹². В 1908 году ее брат Александр Геннадиевич, желавший работать по земству, не утверждался губернатором ни в какой должности из-за принадлежности к кадетской партии. Можно предположить, что настороженное отношение властей к владельцам усадьбы отчасти объяснялось и тем, что с 1906 года А. Г. Мягков был женат на Вере Викторовне Савинковой, сестре известного эсера-боевика. В архиве Костромского губернского жандармского управления сохранились документы, из которых видно, что власти не исключали возможности появления Б. В. Савинкова в Селище. Однако Савинков в Селище не бывал, да, пожалуй, и не мог побывать, так как А. Г. и В. В. Мягковы не жили там постоянно, а с родными Александра Геннадиевича он не был знаком. К его террористической деятельности в семье Мягковых относились с нескрываемой неприязнью, и когда, оказавшись в эмиграции, А. Г. Мягков в 1921 году вступил в организацию Б. В. Савинкова, между ними часто возникали разногласия.

Октябрьская революция немного изменила в образе жизни хозяев усадьбы. Были, конечно, и неизбежные в те времена обыски, конфискации художественных ценностей, попытки выселения. Но постановлением ВЦИКа старый усадебный дом был оставлен в пожизненное владение М. Г. Купреяновой и А. Г. Перелешинной за ее заслуги и в память о Михайловском. По-прежнему в селищенском театре шли спектакли, над созданием которых трудилось уже и новое поколение семьи — дети М. Г. Купреяновой: Елизавета, Юрий и Борис. В постановках принимали участие и жители села, и многочисленные ученики М. Г. Купреяновой, преподававшей в музыкальном техникуме. В Селище продолжала существовать национализированная библио-

тека-читальня, правда, после 1923 года уже носившая имя наркома А. В. Луначарского¹³. Собрание библиотеки даже пополнилось за счет конфискации части книг из фамильной библиотеки Купреяновых, находившейся ранее в их родовом имении Патино Солигаличского уезда и перевезенной в Селище в 1914 году художником Н. Н. Купреяновым.

Имя Н. Н. Купреянова открывает еще одну главу в истории селищенского дома. Николай Николаевич приезжал сюда ежегодно: Селище было не только его родным домом и мастерской, но и темой в его творчестве, к которой

«Вечера в Селище» — произведениям, ставшим классическими. Сейчас листы селищенских серий воспринимаются несколько отвлеченно, вне связи с местом и временем их создания. В работах Купреянова будничная жизнь селищенского дома и его окрестностей стала художественным событием, и, казалось бы, ни к чему интересоваться реальным объектом изображения: бытоописательный рассказ отсутствует и работы не нуждаются в комментариях. Но особая, отличающая листы этих серий эмоциональная напряженность, соотношенная зрителем с загадочно звучащим словом «Селище», подсказывает возможность

он возвращался на протяжении всей своей жизни. В 1920—1922 годах он живет в Селище безвыездно, работает в костромском Губполитпросвете, ведет музейную работу, делает плакаты для Губроста, пишет статьи по искусству для костромских изданий. Вместе с женой, художницей Н. С. Изнар, он организовал и возглавил Государственные свободные художественные мастерские. Событием в культурной жизни Костромы стало открытие в 1920 году Музея живописной культуры, созданного Н. Н. Купреяновым и Н. С. Изнар при поддержке секции изобразительных искусств Наркомпроса.

Николай Николаевич начинал в искусстве как гравер и в короткое время сделался признанным мастером. С Селищем связан новый этап творческой биографии художника: в начале 20-х годов здесь были созданы работы, которые проложили путь к большим сериям станковых рисунков и акварелей «Стада» и

более глубокого прочтения образа. И нужным, способным обогатить наше представление о творчестве мастера будет изучение истории селищенского дома — главного героя многих работ Н. Н. Купреянова. Тогда его работы предстанут и в новом качестве — достовернейшего документа, хранящего духовный мир усадьбы в Селище и проникнутого драматическим ощущением эпохи.

Новые времена не спешили разрушать селищенский мир, но он был обречен. В 1930 году владельцев усадебного дома выселили. Ю. Н. Купреянов был осужден на 10 лет лагерей, М. Г. Купреянова приговорена к высылке в Архангельск на 3 года. А. Г. Перелешина сопровождала сестру в ссылку и разделила лишения. Была взорвана церковь Василия Блаженного — родовая усыпальница Мягковых. Исторически значимый период существования усадебного дома кончился.

Театр в усадьбе Селище. Первый справа Г. В. Мягков, пятая — А. Г. Перелешина, шестой — Н. Н. Михайловский. На переднем плане Николай Купреянов. Фото 1902 г.

Интерьер дома
в усадьбе
Селище.
Гостиная. Фото
1929 г.

Интерьер дома
в усадьбе
Селище. За
столом сидит
Вера
Куприянова,
дочь Н. Н.
Куприянова и
Н. С. Изнар.
Фото 1929 г.

На кладбище приходской церкви Александра и Антонида ничем сейчас не обозначено место захоронения останков нескольких поколений Мягковых, которые было позволено сюда перенести перед уничтожением церкви Василия Блаженного. Разбит гранитный крест надгробного памятника на могиле ученого-естественника Марка Николаевича Михайловского, похороненного на этом же кладбище.

Гибель селищенского дома не только завершила ликвидацию ряда памятников усадебной культуры, охранявшихся в 20-е годы, но и совпала с началом уничтожения крестьянства, что соотносится и с судьбой духовного наследия Н. К. Михайловского, которое с начала 30-х годов было предано забвению и поруганию.

Около года дом пустовал и затем был заселен жильцами. Постепенно ветшал, обростал пристройками, и уже к середине 60-х годов непросто было распознать в нем памятник усадебной архитектуры конца XVIII века. И хотя числился на учете как памятник истории и культуры, но никто его сохранностью озабочен не был. Сегодня дом находится в аварийном состоянии и ему грозит проведение капитального ремонта, после которого вряд ли останется хоть что-то, напоминающее его первоначальный облик.

* * *

В последние два года появились признаки интереса к судьбе селищенского дома. 12 января 1989 года в газете «Северная правда» Костромское областное управление культуры опубликовало проект программы по сохранению и восстановлению памятников истории и культуры. В списке памятников, подлежащих первоочередной реставрации или консервации, селищенский дом не значится, зато в разделе проекта «Развитие музеев в отреставрированных памятниках архитектуры области» намечено создание мемориального дома-музея Н. К. Михайловского и Н. Н. Купреянова. В июне 1989 года на доме была установлена мемориальная доска. Тем же летом правлением Союза художников СССР были направлены письма в Костромской облисполком и в обком КПСС с ходатайством об устройстве музея в Селище. От облисполкома ответ получен не был, а обком партии прислал разъяснение, что в настоящее время создать музей «не представляется возможным из-за того, что в городе остается острой жилищная проблема, имеется большая очередь нуждающихся граждан из числа инвалидов Великой Отечественной войны и проживающих в подвальных помещениях» и что «предполагается решить данный вопрос при утверждении перспективного плана музеефикации г. Костромы».

Что ж, с созданием музея можно было бы не торопиться, если бы соблюдался Закон об охране памятников и была уверенность, что

А. Г. Перелешина с Верой Купреяновой в селищенском доме. Фото 1929 г.

здание простоит ближайшие годы. Пока такой уверенности нет.

Передо мной лежат старые письма, газетные вырезки, копии документов, использованные в этом кратком очерке истории селищенской усадьбы. Возможно, со временем будут собраны новые сведения, появятся и другие, более обстоятельные публикации. Останутся ли эти материалы в моем семейном архиве как история предков, или послужат возрождению частицы отечественной культуры и помогут вернуть в Селище память о былом?..

¹ Село Селище//Костромские губерние ведомости. 1857. 14 дек. № 49. С. 401.

² Взгляд на историю Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. М., 1840. С. 96.

³ ГАКО, ф. 138, оп. 5, д. 18. Материалы Генерального межевания.

⁴ ГАКО, ф. 121, оп. 1, д. 1171, л. 6—9.

⁵ Кстати, Г. В. Мягков был знаком с великим вольнодумцем М. Е. Салтыковым-Щедриным (соредактором Н. К. Михайловского по «Отечественным запискам»); безынтересно, что оба вольнодумца имели чины действительных статских советников.

⁶ Купреянов Н. Н. Автобиография//Николай Николаевич Купреянов: Литературно-художественное наследие. М., 1973. С. 80.

Внук Г. В. Мягкова, профессиональный художник, ценил в рисунках деда, остававшегося дилетантом, «точность характеристик, легкость и богатство выдумки и чувство

меры в карикатурных преувеличениях, которого иногда не хватает мастерам этого жанра». Там же.

⁷ Короленко В. Г. Воспоминания о писателях. М., 1934. С. 77—78.

⁸ Купреянов Н. Н. Указ. соч. С. 85.

⁹ Гайдебуров П. П. Литературное наследие: Воспоминания. Статьи. Режиссерские экспликации. Выступления. М., 1977. С. 175.

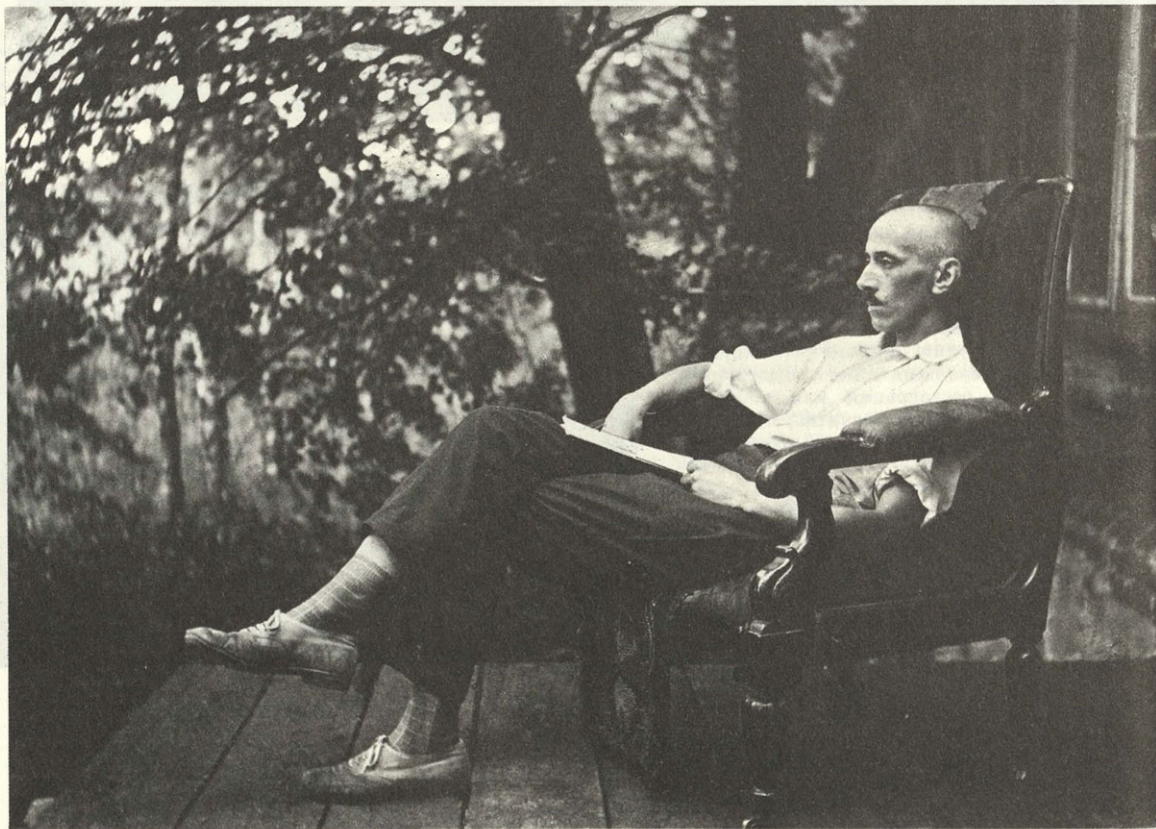
П. П. Гайдебуров был другом с гимназических лет и соратником Н. Н. Михайловского, с которым не раз приезжал в Селище.

¹⁰ 15 июля 1906 г. в газете «Речь» (№ 127) было опубликовано «Заявление пяти членов Государственного совета» (Н. Шишкова, Г. Быковского, А. Лаппо-Данилевского, В. Вернадского, А. Перелешина) с объяснением причины их выхода из состава Государственного совета.

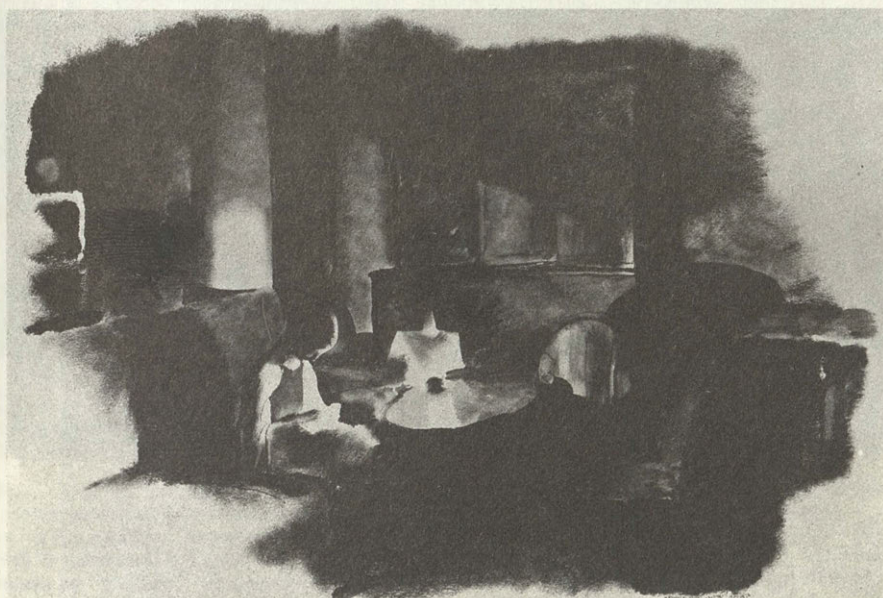
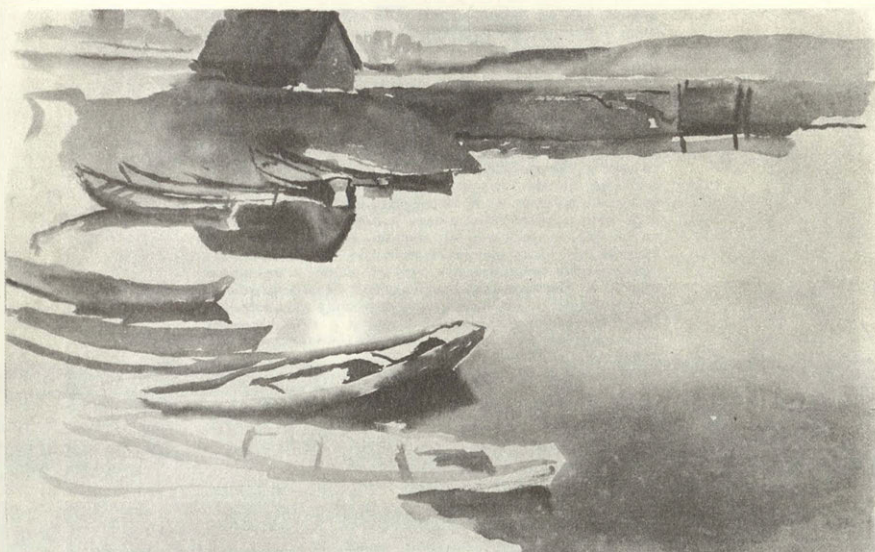
¹¹ Костромское общество образования: Отчет о деятельности общества с 13 ноября 1907 г. по 1 января 1912 г. Кострома, 1912. С. 18.

¹² По поводу высылки А. Г. Перелешина в газете «Речь» (1909, 27 янв. № 26) была помещена заметка, поступившая в редакцию из Костромы. Привожу текст этой заметки целиком: «В прошлом году по представлению местного губернатора Веретеникова была выслана на два года из пределов Костромской губернии с воспрещением жительства в столицах жена и д. губернского предводителя дворянства А. Г. Перелешина. Выслана она была за революционную пропаганду среди крестьянского населения, но так как ничем подобным она никогда не занималась, то возбудила соответствующие ходатайства о пересмотре своего дела. Подобное же ходатайство представлено было и приехавшему в Кострому ревизовать действия нашего губернатора члену совета министра внутренних дел Андциферову, но до сих пор никаких уведомлений о пересмотре своего дела г-жа Перелешина не получила.

Совершенно неожиданно во второй половине января муж ее, А. В. Перелешин, получил уведомление от губер-

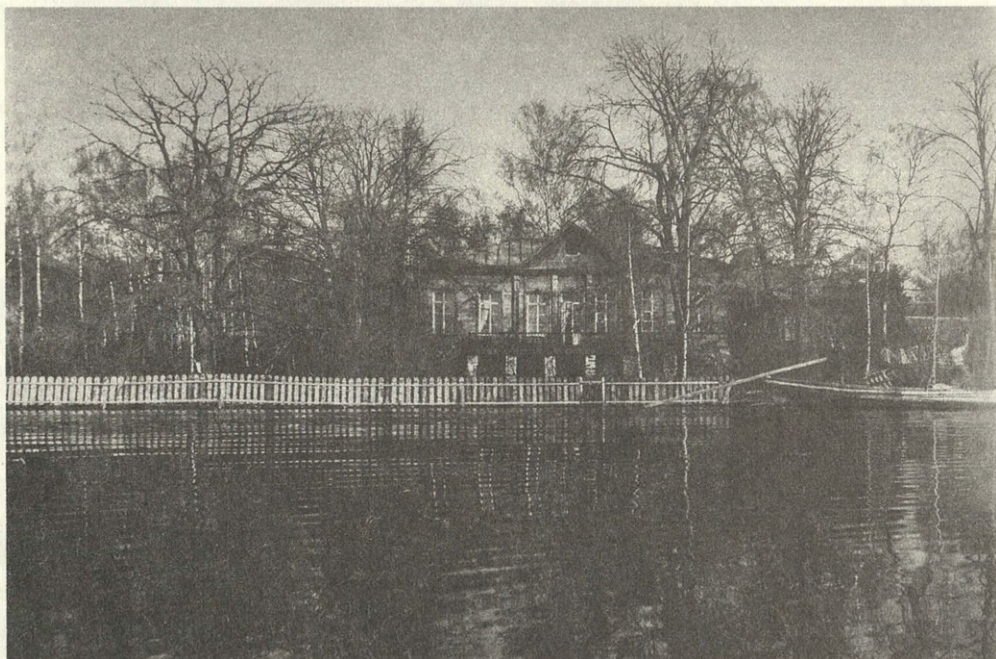
Н. Н.
Купреянов в
Селище. Фото
1929 г.

Н. Н.
Купряев.
Лодки у
мельницы.
1928—1929.
ГМИИ.

Н. Н.
Купряев.
Вечер. За
работой. 1926.
ГТГ.

натора, что он нашел возможным войти с представлением в министерство внутренних дел о предоставлении жене его возможности отбывать свое наказание в продолжение тех же двух лет в Костромской губернии, оставаясь под гласным надзором полиции. В ответ на это А. В. Перелешин тотчас же известил губернатора, что его предложение он рассматривает как новую обиду и новое издевательство над его женой и что он вполне уверен, что она будет согласна с ним и откажется возвратиться в Костромскую губернию под гласный надзор полиции, не зная за собой никакой вины. Немедленно, на другой же день, А. В. Перелешин получил от губернатора приглашение пожаловать к нему для объяснений по поводу полученного им письма. На это Перелешин ответил, что он не находит возможным для себя принять приглашение губернатора и считает вопрос о возвращении А. Г. Перелешинной под гласный надзор исчерпанным и всякие переговоры по этому поводу излишними».¹³ Переименование библиотеки совпало с прекращением издания собрания сочинений Н. К. Михайловского, предпринятого в 1921 г.

Дом в усадьбе
Мягковых
Селище во
время разлива
Волги. Фото
1915 г.